

УДК 94(571.6)«1900-1925»)
ГРНТИ 03.23.07

«ГИЛЬОТИНА — ОСТРЫЙ НОЖ? — НУ ТАК ЧТО Ж?»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА БОРИСА САВИНКОВА

(Морозов К.Н. Борис Савинков: Опыт научной биографии. — М. ; СПб. : Нестор —
История, 2022. — 768 с.)

А.А. Штырбул

Омский государственный педагогический университет
Россия, 664099, Омск, наб. Тухачевского, 14

Научная рецензия на монографию доктора исторических наук К.Н. Морозова* о жизни Б.В. Савинкова (В. Ропшина), его политической и литературной деятельности, личность которого до сих пор вызывает неподдельный интерес и является предметом научных и, отчасти, идейно-политических споров. Монография затрагивает весьма актуальные вопросы истории политического радикализма, экстремизма и политического терроризма в России первой четверти XX в., в том числе причины, характерные черты и практику данных явлений, а также опыт противодействия им со стороны правоохранительных органов.

Ключевые слова: рецензия на монографию, Б.В. Савинков, кризисное развитие общества, Гражданская война, борьба с политическим радикализмом и экстремизмом

“IS THE GUILLOTINE — A SHARP KNIFE? — ALL RIGHT, WHY NOT?”: THE LIFE AND FATE OF BORIS SAVINKOV

(Morozov K.N. Boris Savinkov: The Experience of scientific biography. — M. ; SPb. : Nestor —
History, 2022. — 768 p.)

A. A. Shtyrbul

Omsk State Pedagogical University
Russia, Omsk, 664099, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14

A scientific review of the monograph by Doctor of Historical Sciences K.N. Morozov on the life of B.V. Savinkov (V. Ropshin) and his political and literary activities is presented. The personality of B.V. Savinkov still arouses genuine interest and is the subject of scientific and, in part, ideological and political debate. The monograph focuses on significant topics in the historical evolution of political radicalism, extremism, and political terrorism in Russia during the first quarter of the 20th century. In addition, the monograph discusses the causes, traits, and practices of these phenomena, as well as the experience of law enforcement agencies in combating them.

Keywords: review of a monograph, B.V. Savinkov, crisis development of society, the Civil War, political radicalism, extremism and the fight against them

Перед нами самая полная на сегодня биография Б.В. Савинкова [1]. В отличие от известных ранее беллетристических и научно-

публицистических попыток советского и постсоветского периодов — строго научная. Очень большая по объёму (768 страниц — 8 объёмных

* В настоящее время К.Н. Морозов является политическим эмигрантом, живёт и работает в Париже в качестве приглашённого исследователя. Рецензируемая книга вышла в российском научном издательстве за несколько месяцев до эмиграции. Автор рецензии и редакция журнала выражают надежду, что К.Н. Морозов скорректирует свою политическую позицию и всё же вернется в Россию.

глав, включающих в общей сложности 40 параграфов и другие разделы), монография К.Н. Морозова насыщена, местами даже перенасыщена, уникальным материалом, и последнее вполне понятно и простительно: любой, порой с величайшим трудом разысканный факт каждый исследователь стремится включить в своё повествование.

Научная биография яркого политического лидера многое может дать для понимания эпохальных исторических событий и многое подсказать, а иногда и является незаменимым ключом для проникновения в глубины тех или иных исторических процессов. Похоже, что монография профессионального историка Морозова о Борисе Савинкове — именно такой случай.

К.Н. Морозов в процессе своего исследования вплотную подходит к элементам столь популярной в последнее время психологии, которая является важным инструментом в раскрытии судьбы конкретного человека, в том числе и политического деятеля. Подробным образом он показывает становление характера и личности Б.В. Савинкова с ранних лет, значительное внимание уделяя его семье (гл. I). К сожалению, автор практически полностью обошёл стороной такой важный сюжет в становлении личности Б.В. Савинкова, как увлечение идеями Ф. Ницше. Редко кто из будущих вождей Партии социалистов-революционеров в молодости, да и позднее, не увлекался идеями Ницше. Один из лидеров Партии социалистов-революционеров (ПСР) Н.Д. Авксентьев даже посвятил развитию идей Ницше в революционном эсеровском преломлении книгу «Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше» [2], которой в начале XX века многие зачитывались, хотя сам Авксентьев, как показали дальнейшие события и поступки в его жизни, на «сильную личность», в отличие, например, от Б.В. Савинкова, явно не тянул. Что касается Савинкова, то ницшеанские идеи видны во многих его поступках на протяжении всей жизни и, кроме того, довольно отчётливо просматриваются в его литературном творчестве: в стихах (начало одного из которых вынесено в заглавие представленной рецензии [3, с. 694]), а также в повестях «Конь бледный» и «Конь вороной». Представляется, что ницшеанская концепция «сильной личности», «сверхчеловека» в становлении характера Б.В. Савинкова — не главная, конечно, но важная и далеко не последняя составляющая в этом процессе.

Важным представляется мнение и вывод К.Н. Морозова о том, почему люди, подобные Савинкову, жизненно вполне благополучные, шли в революцию, да ещё и на риск опаснейшей радикальной, в том числе боевой деятельности [1, с. 11, 75]. Как говорится в таких случаях, чего же им не хватало? Автор попытался детально и углублённо разобраться в данном вопросе и довольно убедительно это показать и объяснить [1, с. 74–77].

Морозову также удалось многосторонне и убедительно показать (в гл. II и, особенно, в гл. III) гнетущую, мрачную, тяжёлую и разлагающую атмосферу эсеровского подполья (в той или иной мере характерную для любого политического подполья). Особенно интересны страницы, связанные с личностью Е.Ф. Азефа, отношениями Савинкова с ним и, наконец, с разоблачением «великого провокатора». Кстати, эту атмосферу взаимной подозрительности и слежки, интриг и провокации отчасти сумел передать и сам Б.В. Савинков в романе «То, чего не было», а также попытался это сделать другой эсер (к тому времени уже бывший) А.С. Грин в своих «эсеровских рассказах» цикла «Шапка-невидимка», особенно в рассказе «Подземное». И тот и другой в художественной форме попытались отразить и ещё один серьёзный внутренний конфликт внутри ПСР: «верхи — низы», а также пресловутое «разделение труда» в партии, только Савинков это делал как-то отстранённо, а Грин — с позиций «низов».

Интересны мысли К.Н. Морозова об идейной многоголосице в ПСР и об идейно-политическом плюрализме внутри партии, а также о том, что в этом отношении ПСР резко отличалась от РСДРП(б). Кстати, об этом есть интересное высказывание известного политического деятеля, видного меньшевика И.М. Майского в его книге «Демократическая контрреволюция», где автор сравнивает ПСР с «пёстрым цыганским табором», в котором можно было встретить кого угодно [4, с. 113–115]. Это обстоятельство традиционно рассматривалось как слабость и явный минус ПСР. Но, с научной (в данном случае синергетической) точки зрения, всегда устойчивее та система, которая внутренне гетерогенна, то есть многообразна.

С другой же стороны, сколько раз в истории ПСР было и другое: от неё отделялись, отпочковывались, а то и со скандалом выходили разные группировки и отдельные деятели

(хотя ядро — собственно ПСР центристской, «черновской» ориентации — продолжало работать до самого конца).

На примере судьбы Савинкова показана метаморфоза всей партии эсеров, которую сам Савинков на своём судебном процессе выразил так: «Как могло случиться, что я, друг Ивана Каляева, друг Егора Созонова, пошёл против рабочих и крестьян?» [5, с. 7]. В художественной форме это превращение талантливо и убедительно передал писатель К.А. Тренёв в драме «Любовь Яровая». Потрясённая переходом мужа, активного участника борьбы с царизмом, на сторону белогвардейцев, главная героиня драмы не может этого понять, и Михаил Яровой в нескольких словах, но довольно ёмко и по-своему убедительно, объясняет ей происшедшее с ним. И это объяснение во многом перекликается с реальной судьбой Бориса Савинкова.

К.Н. Морозов фиксирует и подробно раскрывает основные этапы данного политического пути Савинкова: поддержка курса Л.Г. Корнилова на военную диктатуру в августе 1917 г.; бурная эпопея «Союза защиты Родины и свободы»; перемещение в белоэсерское Поволжье и затем на Урал; прибытие в Омск вместе с Директорией и пребывание там в важнейший и судьбоносный для российской контрреволюции период: накануне переворота А.В. Колчака; представительство колчаковского правительства в Париже; сотрудничество с поляками; кровавая бело-зелёная эпопея в Белоруссии.

Заметим, что при всём равнодушии к личности Савинкова, иногда проступающем в тексте между строк, автор в целом сумел выдержать объективную линию исследования, и он отнюдь не идеализирует героя своего повествования. Как сказано в аннотации автора монографии, «Борис Савинков, с одной стороны, продолжает и сегодня привлекать и волновать своим неистовым стремлением к свободе, совершенным неприятием рабства и деспотии и борьбой с ними, стремлением докопаться до истины, с другой — отталкивает своим недемократизмом, эгоцентризмом, себялюбием и склонностью к “вождизму”». [1, с. 2].

Мне как сибиряку и омичу был очень интересен сравнительно малоизвестный (по сравнению с другими) сюжет монографии о пребывании Б.В. Савинкова в Сибири и Омске [1, с. 599–600]. Около месяца пребывания (во второй половине октября — начале ноября 1918 г.), в один из самых судьбоносных пери-

одов истории «белой» России, окунули его в самую пучину политической борьбы на очень высоком, фактически почти на правительственном уровне (его фамилия мелькала при обсуждении кандидатур министров внутренних и иностранных дел Директории и даже раз мелькнула на предмет военного министра). И именно здесь у него созрел, как позднее он признавался, окончательный выбор в пользу А.В. Колчака и его режима, который основывался на том, что нужно поддержать только того, кто сумеет создать против большевиков боеспособную армию. К сожалению, автор не использовал важную статью барнаульского исследователя С.Г. Лифшица «Борис Савинков в Сибири» [6, с. 153–158], и «сибирский» сюжет в монографии получился, по нашему мнению, совсем не большим и недостаточно развёрнутым.

Один из важнейших сюжетов монографии — вопрос и споры об обстоятельствах признания Б.В. Савинковым советской власти, об искренности/неискренности поведения Савинкова на суде. Автор монографии отводит этому сюжету заметное место. Данный вопрос важен ещё и потому, что он касается не только Б.В. Савинкова, но и многих других неонароднических деятелей. Конечно, находясь в тюрьме, человек может размышлять и поступать несколько иначе, чем на воле, и возможна мимикрия, но дело-то в том, что Б.В. Савинков был не из тех, кто способен так откровенно кривить душой, и практически всегда поступал, как убедительно показано в монографии относительно других событий и ситуаций, по стойкому внутреннему убеждению. Тогда что же повлияло на такую смену убеждений? Ко всему высказанному по этому поводу Морозовым можно было бы добавить следующее: тут, видимо, нужно учитывать и то, что переход к НЭПу и ожидание эсерами и меньшевиками «политнэпа» породили у многих из них, во-первых, убеждение, что этот переход отчасти и их заслуга (и даже в известной мере победа), и, во-вторых, что возникшие (плюс и далее ожидаемые) от этого перехода реалии серьёзно изменили советскую власть в сторону социально-экономической и политической демократизации. Многие из правых неонародников (и меньшевиков), как пошедших в «ликвидационное движение», так и некоторых оставшихся верными своим партийным убеждениям, с советской властью в той или иной мере примирились, декларировали лояльность, и при этом одновременно

многие из них не скрывали и даже открыто подчёркивали верность неонародническим (и меньшевистским) идеям. И советскую власть это вполне тогда устраивало, хотя понятно, что с годами она требовала всё больше и больше лояльности. В период же свёртывания НЭПа, перехода к чрезвычайщине и коллективизации многие из эсеров (и меньшевиков) пересмотрели свою позицию лояльности, и часть из них вновь вступила на путь сопротивления. Но при всём этом и в 1923, и в 1929 году они были вполне искренними и действовали по внутреннему убеждению. Не в этом ли (или же в чём-то подобном) также кроется часть мотивов поведения Б.В. Савинкова в 1924 году после его ареста?

В рекордно объёмном (на 84 страницах) заключении монографии, вернее, в разделе «Вместо заключения», автор подробно и детально резюмирует феномен биографии Савинкова: «мозаичность», противоречивость и парадоксальность личности этого своеобразного «Гамлета» политических (революционных и контрреволюционных) событий в России первой четверти XX века.

Представленная К.Н. Морозовым монография изложена академическим, научным

и в то же время доступным языком, местами она читается как захватывающий исторический роман. Материал монографии опирается на значительный массив разнообразных архивных и опубликованных источников, в том числе зарубежных. Книга снабжена солидным именным указателем. Отдельно следует отметить богатое фотоприложение ряда уникальнейших документов.

Монография К.Н. Морозова вносит заметный вклад в развитие исследований по отечественной истории, её важного переломного, судьбоносного периода конца XIX — первой четверти XX веков, а также в изучение истории политических партий России данного периода, в особенности партии эсеров. Выполненное исследование ценно ещё и тем, что затрагивает весьма актуальные сегодня вопросы истории политического радикализма, экстремизма и политического терроризма в России, в том числе причины и практику данного явления, а также опыт противодействия ему правоохранительных органов (как царских, так и советских). Эта книга будет интересна всем, кто неравнодушен к истории России и к судьбам политических деятелей, оставивших в этом прошлом свой заметный след.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Морозов К.Н. Борис Савинков: Опыт научной биографии. М. : СПб.: Нестор — История, 2022. 768 с.
2. Авксентьев Н.Д. Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше. СПб. : Север, 1906. 267 с.
3. Савинков Б.В. Гильотина... // Савинков Б. (Ропшин В.) То, чего не было: роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. М. : Современник, 1992. С. 694.
4. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М. ; Пг. : Госиздат, 1923. 360 с.
5. Дело Бориса Савинкова. М. : Рабочая Москва, 1924. 141 с.
6. Лифшиц С.Г. Борис Савинков в Сибири // Барнаул. 1994. № 1. С. 153–158.

REFERENCES

1. Morozov K.N. Boris Savinkov: Opyt nauchnoj biografii. M. : SPb.: Nestor — Istoriya, 2022. 768 s.
2. Avksent'ev N.D. Sverkhchelovek. Kul'turno-ehricheskij ideal Nicshe. SPb. : Sever, 1906. 267 s.
3. Savinkov B.V. Gil'otina... // Savinkov B. (Ropshin V.) To, chego ne bylo: roman, povesti, rasskazy, ocherki, stikhotvoreniya. M. : Sovremennik, 1992. S. 694.
4. Majskij I.M. Demokraticeskaya kontrevolyuciya. M. ; Pg. : Gosizdat, 1923. 360 s.
5. Delo Borisa Savinkova. M. : Rabochaya Moskva, 1924. 141 s.
6. Lifshic S.G. Boris Savinkov v Sibiri // Barnaul. 1994. № 1. S. 153–158.

Анатолий Алексеевич Штырбул — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета; shtyrbu_97@omgpu.ru.

Anatoly Alekseevich Shtyrbul — Doctor of Historical Sciences, Professor Department of World History, Sociology and Politic Science Omsk State Pedagogical University; shtyrbu_97@omgpu.ru.

Рецензия поступила в редакцию 26.01.2026 г.